

А.Радин
Л.Шаумян

З речи жители

станицы
Ногайской

выселяются

скубани

в северные края

Районы Кубани позорно отстали в хлебозаготовках и не выполнили планов осеннего сева. Отстали они потому, что парторганизации Кубанских районов не сломили саботаж хлебозаготовок и сева, организованный кулацким контрреволюционным элементом, не уничтожили сопротивления части сельских коммунистов, ставших фактическими проводниками и организаторами саботажа.

Не случайно именно на Кубани партия столкнулась с саботажем, организованным кулачеством в особо резкой форме. А в станице Полтавской мы имеем, по существу, контрреволюционное выступление против советской власти, только с той разницей, что кулачество и наши враги с партийными билетами — организаторы и вдохновители саботажа, зная нашу несокрушимую силу, не решились на прямое выступление против диктатуры пролетариата, избрали путь саботажа мероприятий партии и правительства.

Не случайно потому, что там сохранились еще кадры контрреволюции и атаманчины, сторонники кубанской рады, белогвардейские и петлюровские элементы. Вся эта контрреволюционная сволочь пролезла в колхозы, советы, земельные органы и пыталась направить их работу в антисоветское русло, пыталась голодом прощупать диктатуру пролетарита, организовать контрреволюционные силы, мечтала о ликвидации колхозов, о восстановлении капитализма в нашей стране.

Не случайно именно станица Полтавская — в прошлом главная опора рады, центр буржуазно-националистического движения — стала и сейчас местом особо упорного антисоветского саботажа хлебозаготовок и сева.

Станица Полтавская — одна из самых богатых в прошлом казачьих станиц Кубани. 750 тысяч пудов товарного хлеба выбрасывала эта станица до революции на рынок

или, примерно, в три раза больше того плана хлебозаготовок, который был дан станице в этом году (около 250 тысяч пудов).

Секретарь Северокавказского Краевого комитета партии т. Шеболдаев, после посещения станицы, в речи, произнесенной 12 ноября 1932 года, говорил:

„Приведу пример Полтавской станицы, Славянского района... Там огромное количество единоличников и только одна треть колхозников, но положение там такое, что единоличники засеяли каждый на хозяйство около одной четверти гектара, даже меньше, и выполнили план хлебозаготовок только на 7 проц. Колхозы в этом окружении тоже недалеко ушли от этих единоличников. Станица эта известна Северному Кавказу как станица, в свое время очень активно боровшаяся против советской власти. И вот в этих самых слабых наших местах кулак наиболее успешно сумел организовать саботаж. Это относится и к отдельным станицам, но это относится и ко всей Кубани, ибо мы знаем что на Кубани были огромные белогвардейские кадры были наиболее мощные корни кулачества.

Именно, пример Полтавской станицы, где засеяно сейчас всего лишь 30 проц. плана озимого клина, где прошлогодние поля, кубанские плодородные поля, заросли сорняком, вероятно в человеческий рост, где, примерно, считают погибшими половину всех площадей, где сдано хлеба только 1—1½ пуда с гектара в хлебозаготовки,—вскрывает, как кулак организует саботаж.

Ибо это значит, что единоличники и колхозники в этой станице в прошлом году в осенний посев не вспахали как следует земли, затянули сев, часть семян разворовали и не посеяли, затем летом не пропалывали площадей, плохо убирали, т. е. не работали или, в лучшем случае делали вид, что работают...

Станица собрала с гектара не меньше 30 пудов. Если бы станица выполнила данный ей план полностью, то на гектар пришлось бы для сдачи государству каких-нибудь 4—5 пудов.

Но станица не выполнила плана хлебозаготовок в этом году так же, как не выполнила его и в прошлом году.

Колхоз этой станицы „Червонный флаг“, руководимый кулаками, в декабре прошлого года был распущен решением краевых организаций за срыв сева, за невыполнение плана хлебозаготовок.

И в этом году кулаки — враги народа, не хотевшие сдавать государству ничего, — говорили, что план тяжел, организовывали срыв выполнения его, рассчитывая, что им удастся заставить советскую власть отступить, ликвидировать колхозы и дать кулакам опять наживаться за счет бедняков и батраков.

Не зря говорил т. Шеболдаев, что контрреволюционное прошлое ст. Полтавской известно всем трудящимся, пролетариям и колхозникам Северного Кавказа.

В книге „От Кубани до Волги и обратно“ т. Е. Ковтюх,^{*} командир славного похода красных таманцев, указывает, что

„в августе 20-го года, после окончательной ликвидации армии Деникина на Кубани еще не был ликвидирован политический бандитизм“.

„К 14 августа — пишет т. Ковтюх — на учете числились следующие крупные банды, расположенные преимущественно в полосе, прилегающей к Азовскому и Черному морям.

В числе других фигурирует и сотник Милько-Каленников (100 штыков, 60 сабель) в районе ст. Полтавской. Генерал Врангель, сидевший тогда в Крыму, делал серьезную ставку на кубанское кулачество. И, когда 14 августа близ ст. Приморско-Ахтарской высадился белый десант Врангеля, в числе этого десанта был Полтавский полк“.

Многие подлинные красные партизаны, бывшие бедняки станиц и сел нашего края, еще и по сей день носят рубцы от сабель, нагаек и шомполов полтавских опричников барона Врангеля.

Не все белобандиты погибли от ударов Красной армии. Кое-кто из этих бандитов уцелел, притаился, перекрасился под бедняка и середняка, пролез в колхозы и сейчас на Кубани вновь поднял свою оскaledенную морду.

Атаманствовал в этой станице в 1918-19 годах некий Омельченко, памятный кровавыми расправами с большеви-

ками и трудящимися Кубани. Когда в 1919 году под напором Красной армии Омельченко бежал за границу, он оставил политическое завещание, примерно такого содержания: „Кубанская рада не устоит, победят, очевидно, большевики“. И дальше этот белобандит завещал, такую тактику борьбы с советской властью: — „пусть казаки (понимай, кулаки и белогвардейцы) на время прекратят свое сопротивление, сохраняя кадры и силы“.

Эти мысли атаман развивал впоследствии неоднократно в своих письмах из-за границы к „надежным людям“, к бывшим своим помощникам — белогвардейцам.

Полтавское кулачье замирилось, притаилось: злые враги рабочего класса и крестьянства решили действовать тихой сапой. Примерно с 1920 по 1927-й год мы имеем на многих руководящих постах в станице Полтавской белобандитов, врагов советской власти.

В сельхозкредитном товариществе сидел некий Ковтун — в прошлом — помощник станичного атамана и другие матерые кулаки. Когда в товарищество за ссудой приходил бедняк, ему давали 3—5 рублей только в том случае, если он приносил письменное поручительство двух зажиточных станичников. Кулакам же кредиты раздавались направо и налево. Делалось это вполне сознательно, для подрыва авторитета партии и советов:

— Рады, мол, дать бы тебе, бедняку, да вот закон не позволяет. Советская власть, мол, о бедноте и думать забыла.

Когда волей широких масс трудового казачества Кубань начала колективизироваться, ликвидируя кулачество как класс, контрреволюционное ядро станицы на нелегальном совещании решило:

— Нужно держаться, бо немного осталось и скоро придут „наши“.

Так решили главари: Илларион Ковтун — бывший помощник атамана, член Кубанской рады Василий Назаренко, матерой кулак Юрченко, приговоренный к расстрелу в 1920 году, но сумевший каким-то способом избежать расстрела, и куча их сподвижников. Но как сохранить своих людей, как избежать выселения? Решено было, что „своим людям“ надо вступать в колхозы.

В колхоз „Червонный прапор“ первыми вошли организаторы контрреволюционного заговора против советской власти и колхозов. Они потянули за собой в колхоз многочисленную свою родню, понимая, что сподручнее будет вредить через „своих людей“. И вот, например, 15 кулацких семей Назаренок входят в колхоз.

Вербовать начинают прежде всего кулаков и зажиточных „своих людей“ — казаков. Назаренко, Ковтун и другие белобандиты советуют вступить в колхоз: „все равно, мол, выхода нет, если же сгуртуемся в колхозе, сообща сохраним имущество, а потом и разойдемся каждый со своим“.

Бедняков же и середняков запугивали:

— Не идите в колхоз, разор и гибель, а придут „наши“ казаки, и вовсе вам не сдобривать!

Вот почему не случайно, что станица Полтавская на нынешний день коллективизирована была только на одну, примерно, третью часть, две трети были единоличниками, причем огромное количество бедноты, середняков и даже бывших красных партизан остались за бортом колхоза. Назаренко, Ковтуну, Юрченко и их друзьям нужен был „свой“ колхоз, беднота, середняки были в „их“ колхозе ни к чему.

В результате верховодами молодого колхоза „Червонный прапор“ оказались Назаренко — в качестве председателя ревизионной комиссии, Ковтун и другие кулаки — в роли учетчиков, бригадиров, конторских служащих, которые и повели у себя на поводу колхозную массу.

— Робить, абы как! — учило кулачье колхозников, — бо скоро придут наши. — И эта наука давала свои результаты.

В колхоз кроме кулаков и зажиточных вступали кое-кто из бедняков и середняков. Их надо было запугать, подчинить своему влиянию, сделать послушными. И этого добились полтавские контрреволюционеры.

Вот, например, разговор Назаренко с Андреем Белым, рядовым колхозником „Червонного прапора“.

— Казак ты, а оказался изменником, пошел в колхоз. Наши придут, лишат тебя казачьего звания, вышлют из станицы...

— Не серчайте, дядько Василь, я абы как, килы не наживаю, баба моя ходить по ночам по хлеб. Я не вредный...

Так отвечал Андрей Белый и такие же как он рядовые колхозники. Так они и действовали. И нет ничего удивительного, что это „абы как“ прочно вошло в быт полтавских колхозников. В самое горячее время выходы на работу в колхоз не превышали 40 проц., да и то, главным образом, за счет подростков, иногда прямо ребятишек, которые, однако, получали трудодни наравне со взрослыми. А взрослые копались только в личных садах и виноградниках, спекулировали на базарах хлебом, вином и виноградом.

Пахали в Полтавской сплошными огрехами. Поздно в землю бросали зерно, заранее обрекая посев на гибель. Нормы выработки не выполнялись. Контрреволюционный саботаж выражался во вредительской вспашке, или в издевательском обмане, когда запахивались только края клетки, а середина оставалась не вспаханной, когда кулаки-бригадиры писали трудодни за издевательство над кубанской землей, над завтрашим днем колхоза. На сеялках саботажники приспособились так „регулировать“, что, не высевая нормы, воровали с гектара по 3—4 пуда посевной пшеницы.

Писались ложные рапорта о том, что план выполнен на 103 проц. в то время, как фактически план был выполнен на треть. Это наглое жульничество стало возможным потому, что никто никогда в станице не проверял фактического положения. Кулаки-бригадиры давали сводки в контору, в конторе такие же кулаки подсчитывали, а „коммунисты“-предатели подписывали этот наглый обман: „при сем препровождая сводку о ходе выполнения“...

Вредительский посев, на котором засеянная полоса чередовалась с широкой полосой бурьянów, при уборке не брала ни одна машина, косилки ломались, да и какой урожай мог быть на полях при подобном сознательно организованном срыве урожая работой „абы как“!

Так действовали организаторы саботажа на полях, правильно учитывая, что, испоганив колхозные поля, они могли подточить прочность колхозов, организовать голод.

Воспитывая колхозников в духе саботажнического отношения к работе в колхозе, организаторы саботажа сумели и при уборке уничтожить, по крайней мере, половину урожая. Вместе с соломой, которую сжигали при уборке, горел и колхозный хлеб.

Кулак знал, что у многих колхозников и у всех единоличников еще живут в душе остатки старой привычки мелкого хозяйствика, держащегося только за свое собственное, личное. Кулак знал, что нет еще у всех колхозников отношения к колхозному хозяйству, как к своему кровному делу. На этом кулак и сыграл, вовлек в саботаж хлебозаготовок большинство населения ст. Полтавской.

До какой степени изуверства доходили саботажники, свидетельствует, например, такой факт: в станице Полтавской почти совсем нет жеребят. Казак, когда-то славившийся своей любовью к коню, граблями бьет по брюху колхозную жеребую матку!

Завладев отдельными колхозами, кулачество не забывало и единоличников. В задачу кулачества входило—организовать на борьбу с советской властью все население станицы. Они фактически руководили и саботажем сева и хлебозаготовок в единоличном секторе.

Установка давалась такая: сеять „черным до горы“, это значило, что единоличники, в большинстве своем втянутые в саботаж, запахивали отведенные им земли, т. е. делали землю „черной“ как под горкой в тени, забороновывали, но не сеяли, не бросали в землю ни единого зерна, за исключением небольшой потребительской нормы, которая нужна была им для удовлетворения собственных желудков.

Единоличники 13 квартала должны были по плану посеять 120 гектаров. Запахав „черным до горы“ 60 гектаров, они фактически посеяли 5 гектаров.

Единоличники, севшие „черным до горы“, т. е. ничего не севшие, выполняли данный им план за счет разворотного колхозного урожая. И у них же, сверх этого, находили в ямах сотни центнеров спрятанного хлеба. У кулачки Гнилорыбовой, ничего не севшей, найдено 40 пудов пшеницы. Муж этой кулачки, высланный из станицы во время сплошной коллективизации как контрреволюционер, вновь появился в станице и начал организовывать кражи колхозного хлеба, втягивая в это дело колхозников и единоличников, превратившихся в тунеядцев и живших исключительно за счет воровства, за счет грабежа общественной собственности.

У единоличницы Лебельской четыре раза находили хлеб. И каждый раз она снова воровала и перепрятывала украденное. В пятый раз у этой Лебельской нашли вновь 80 пудов зерна.

Только за 25 дней ноября было вскрыто 250 ям, в которых найдено свыше 4.000 пудов зерна.

Наглость озверелых врагов не знала границ. При осмотре кладбища в бочках были найдены сотни килограммов пшеницы. У единоличника Антона Черного, дравшего горло на всех перекрестках, что у него ничего нет, обнаружена яма с 26 пудами пшеницы и 60 килограммами белой муки.

Сколько хлеба разворовано в Полтавской? — Не меньше половины урожая. А сдано государству — почти ничего. А ведь на полях Полтавской работали десятки тракторов, комбайны, автомашины, принадлежащие пролетарскому государству.

Помимо воровства многие единоличники торговали принадлежащей пролетарскому государству землей. Так, например, единоличнику Василию Жданову сеял и убирал гектар с лишним Побединский, в супряге с другими единоличниками. За вспашку взяли 50 руб., а за уборку четверть урожая, остальное получил „хозяин“ земли — Жданов, не сдавший государству, подлинному хозяину земли, ни одного пуда зерна.

Так хозяйствничал классовый враг в станице Полтавской.

Когда кто-нибудь пытался поднять голос протesta, его отводили в сторону и грозили:

— Молчи, бо наши скоро придут, штаны снимут и так будут бить за изменничество, как никогда не били... убьем...

Враг хозяйствничал долго и безнаказанно, благодаря предательству „коммунистов“ станицы, предателей, врагов партии, рабочего класса и колхозного крестьянства.

Как кулачье проводило свой план в жизнь? Кулак понимал, что лезть в открытый бой с советской властью ему не по силам. Враг решил действовать осторожно, через „своих“ людей. Эти „свои“ люди должны были быть авторитетными, должны были пользоваться уважением и важно было, чтобы они находились на руководящих постах.

Кто пользуется влиянием и авторитетом, кого слушают в станице? Конечно коммунистов. И вот кулаки и сами

добивались получения партбилетов и „обрабатывали“ коммунистов, понятно тех, которые оказались неустойчивыми, пролезли в партию со шкурными целями.

Враг в своей борьбе против колхозов пытался использовать старинную сословную рознь. Ему ненавистно было объединение в дружную колхозную семью казаков с бывшими иногородними. Кубанское кулачье привыкло смотреть на хлеборобов некубанцев, как на дармовых батраков, как на „низшее“ сословие. Кубанские черноземы—кулачье считало своей привилегией. И эти чувства кулачество пыталось разжигать.

Изменникам с партбилетами кулаки лъстили: „який же из тебя добрый козак!“ Населению же станицы говорили: „Казакам не жить с большевиками“.

Секретарем парткома станицы был Сильченко, типичный контрреволюционер, перерожденец и вор. Сильченко был и организатором и политическим адвокатом классового врага.

„Хлеба в станице нет“ — эта гипнотическая кулацкая песня была песней Сильченко. Партийный комитет станицы и большинство членов партии открыто сомневались с классовым врагом, изменили и предали. Сыны бывших контрреволюционеров, эмигрировавших за границу, пролезли в партию и комсомол. В целом вся партийная организация станицы Полтавской своими делами подтвердила, что она не способна бороться за генеральную линию ленинской партии.

Вот, например, Лешинский, работающий в станПО колхоза „13 Жовтень“. В его руках был рычаг стимулирования хлебозаготовок и осеннего сева; он распределял товары, и распределял по кулацкому принципу: в первую очередь тем, кто не выходил на работу, тем единоличникам и колхозникам, которые саботировали осенний сев.

Пролезли в партию и откровенные враги рабочего класса и колхозников — кулаки бывшие белые офицеры все те, кто ненавидел советскую власть, которая отняла у них сладкую жизнь за счет батраков и бедняков.

Вот, например, Медведев. До последнего времени числился он в ст. Полтавской колхозником. Служил Медведев у белых в 1919 году, но от партии службу у белых скрыл.

Этот Медведев один из организаторов саботажа, он первый друг кулаков, он вор, это он подговаривал колхозников не выходить на работу, это он говорил им, что раз, мол, советская торговля разрешена, значит государству хлеб не нужен, забирай все по домам. За счет честных колхозников, обворовывая их, Медведев живет в свое удовольствие, приставая к женщинам-коммунаркам: „теперь, мол, в коммуне все общее и бабы должны быть общими“.

Так орудовал этот беляк, внося дезорганизацию в жизнь коммуны. Медведев, классовый враг, был кандидатом партии, и до последней чистки имел партийный документ в кармане. И не одинок был Медведев в партийной организации станицы Полтавской. Предателей и изменников в Полтавской парторганизации большинство.

Полтавский станичный совет перешел на сторону классового врага, стал фактическим проводником саботажа хлебозаготовок и сева, организованного кулачеством. Из органа диктатуры пролетариата совет превратился в штаб остатков кулачества и белогвардейщины, оттуда вся эта сволочь направляла контрреволюционные удары против мероприятий партии и правительства. В станице, по существу, не было советской власти. Совет был захвачен в руки изменников партии, перерожденцев, окруживших себя уголовными бандитами, ворами социалистической собственности, белогвардейцами, кулачеством.

Кто возглавлял станичный совет? Черток—организатор кулачества, предатель интересов партии, самый опасный враг, носивший в кармане партбилет. Черток сколотил соответствующий аппарат. Вот она, далеко неполная, часть членов станичного совета, с которым орудовал сам председатель: Бычкова Д. С. (кулачка, все родственники высланы, поддерживала с ними связь), Носан (член президиума стансовета, белогвардец, вел переписку с высланными родственниками), Юхно А. Я. (кулачка, высланная как и все родственники из пределов края), Гикиря (изменник партии, жулик, пьяница, приговоренный к расстрелу), Подпирный (белогвардец, брат расстрелянного атамана станицы Полтавской), Страфий (вор, бандит, приговоренный к расстрелу), Титов Федор (член рев. комиссии стансовета, приговоренный к расстрелу за разбазаривание 1.000 пудов

тарнцевого сбора), **Матюха Яков** (член ревкомиссии, единоличник, один из участников саботажа, отказавшийся сеять и выполнять план хлебозаготовок). **Работенко** (член президиума стансовета, вор, самоснабженец, перед судом скрылся из станицы).

Можно было бы привести еще десятки фамилий стансоветчиков, чтобы со всей очевидностью увидеть в их лице представителей заклятых врагов советской власти.

Возникает вопрос — неужели в станице не было актива, на деле преданного партии и советской власти? Нет, конечно, актив этот есть, хотя бы в той же коммуне им. Фрунзе.

Это — партизанская коммуна. В этой коммуне есть, например, красные партизаны, пришедшие с Дона, своей кровью завоевавшие колхозы. Здесь есть семья казака, которого полтавское кулачье избило за то, что казак вступил в коммуну. Есть в колхозах станицы и еще партизаны. Но только небольшая группа партизан поддерживает славные боевые традиции. По пальцам можно пересчитать красных партизан, сейчас ломающих, под руководством партии, контрреволюционный саботаж, организованный кулаками. Краснознаменец Тихон Кондра (колхоз „13 Жовтень“) Григорий Кошевий (колхоз „1040“), Чернышев, Аббакумов, Остриков, Песковий и еще десяток людей — активно борются с кулаком. Большинство же красных партизан в стороне от классовой борьбы. Только десятая часть партизан — колхозники. Есть там и лже-партизаны, все „партизанство“ которых заключается в том, что они были мобилизованы, как подводчики в обозы Красной армии.

Активист красный партизан т. Чернышев из колхоза имени „518“ говорил, что многие бывшие партизаны „залились в свои норы и сидят, прикрывшись красным билетом. Работайте, мол, вы, а моя хата с краю“.

Перешедшие на сторону кулака, партийные руководители станицы Полтавской сознательно превращали многих партизан в паразитов, уклоняющихся сегодня от классовой борьбы и колхозного строительства и стремящихся жить за счет старых заслуг.

Например, Виктору Воропаю, отказавшемуся вступить в колхоз и этим опозорившему свое звание красного партизана, председатель стансовета дал 4 лошади, гарбу, линейку

и дом. А теперь Воропаев и другие партизаны-единоличники участвуют в саботаже, организованном классовым врагом.

Так „воспитывали“ партийная организация и станичный совет свой актив.

Изменившие делу партии, руководители станицы сознательно срывали партийную учебу в ячейках. Они понимали, что теория Маркса, Ленина и Сталина—наука нашей партии—идейно вооружила бы коммунистов, помогла бы коммунистам разглядеть и разоблачить предательские дела своих руководителей. Вот почему в ячейке колхоза „13 Жовтень“ на вопрос о значении постановления правительства о священности и неприкословенности социалистической общественной собственности никто не мог ответить. Из 180 коммунистов станицы Полтавской большинство кандидатов, но так как их никто не хотел воспитывать в духе учения Ленина, то воспитывал этих молодых партийцев классовый враг в духе непримиримой борьбы с колхозами.

Ни занесение на черную доску, ни целый ряд других мероприятий, которые проводились в станице, не дали нужных результатов. Саботаж не только не сломлен, но он продолжается до сих пор. Исходя из этого, Сев. Кав. Крайком ВКП(б) в своем решении от 16 декабря 1932 года постановил:

„Ввиду того, что станица Полтавская, несмотря на принятые меры, продолжает злостно саботировать все хозяйственные мероприятия советской власти и явно идет на поводу у кулака,— признать необходимым выслать всех жителей станицы из пределов края, за исключением доказавших на деле свою преданность советской власти в гражданской войне и в борьбе с кулачеством.

Предрешить оставление в станице Полтавской коммуны им. Фрунзе.

Полтавскую партийную организацию, как явно неспособную бороться за решения партии — распустить“ Кубанская земля освобождается от полтавских саботажников. Вместе с ними выселяются и полтавские изменники, имевшие в кармане партбилеты, организаторы и полити-

ческие адвокаты классово-враждебных сил. И это решение является единственно правильным и справедливым. Товарищ Шеболдаев еще 12 ноября предупреждал:

„Мы прямо опубликовали, что будем высыпать в северные края злостных саботажников, кулацких подпевал, не желающих сеять. Разве мы не выселяли с той же самой Кубани кулацкие контрреволюционные элементы в прежние годы? Высыпали и в достаточном количестве. И сейчас, когда эти остатки кулачества пытаются организовать саботаж, выступают против требований советской власти, правильнее отдать плодороднейшую кубанскую землю колхозникам, живущим в малоземелье на плохих землях в других краях. Да они не только обработают ее самым лучшим образом, целовать ее будут! А не желающих работать, поганящих нашу землю, вышлем в другие места. Это справедливо. Нам могут сказать: „Как же, раньше кулаков высыпали, а сейчас речь идет о целой станице, там есть и колхозы и добросовестные единоличники, как быть?“ Да, приходится ставить вопрос о целой станице, ибо колхозы, ибо колхозники, ибо действительно добросовестные единоличники в нынешней обстановке отвечают за состояние своих соседей. Какая же это опора советской власти — колхоз, если рядом с ним другой колхоз, или целая группа единоличных хозяйств выступают против мероприятий советской власти? Какая же это опора, которая не пытается быстро и решительно сломить и не сламливает их сопротивления?“

Тогда же, более месяца тому назад т. Шеболдаев предупреждал:

„если там есть действительно преданные советской власти и колхозам элементы, чтобы они вместе с нами немедленно сломили саботаж, организованный кулачеством, и исправили положение, тогда и вопроса не будет о выселении“.

Больше месяца был дан срок. Полтавские саботажники не захотели исправить положения, потому что большинство колхозников этой станицы перестали быть опорой советской власти, оказались в рядах контрреволюционных саботажников хлебозаготовок, врагов советской власти.

*
**

Вот причины, которые привели к тому, что жители станицы Полтавской сурово наказаны советской властью — выселяются с кубанского чернозема за пределы края. Над этими причинами обязаны призадуматься жители и ряда других районов, станиц и сел Северокавказского края, где организаторы контрреволюционного саботажа обманывают колхозников и единоличников, вовлекая их в саботаж, хотят поссорить их с советской властью.

Кубань должна быть очищена от контрреволюционного кулачья и его пособников. Кубань должна быть и будет очагом цветущего социалистического земледелия. Кто не пожелает этого — будет убран с дороги. Их место займут те, кто желает и может лучше работать и приносить действительно хозяйственную и политическую пользу социалистическому отечеству, на основе дальнейшего организационно-хозяйственного подъема колхозов, дальнейшего укрепления и развития колхозного строя, признанного трудовым крестьянством всего Советского союза, в том числе и Кубани, единственно правильным ленинским путем.

Ответственный редактор Д. В. ГЕЛЬФ
Техредактор М. А. МАКСИМОВ.
Сдано в набор 25-XII—32 г.
Подписано в печать 26 XII—32 г.
Объем 1 и. л. х 37.232. зн.

* Статформат А5 148x210 мм. Издание № 101
Гостионография им. Коминтерна и
переплетная ф-ка „Красный переплетчик“ СККПО к Ровесам в-Дому.
Упаковка картонная 06789. Заказ № 32и2 Тираж 200.000.